

На правах рукописи

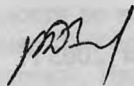
ЗИМОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

**ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАЧАЛЬНЫХ
СОГЛАСНЫХ В НЕМЕЦКОМ И НОВОГРЕЧЕСКОМ
ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2005

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительного языкознания
Пятигорского государственного лингвистического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Михалёв Андрей Борисович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Сухих Станислав Алексеевич

кандидат филологических наук,
Айрапетова Элла Гаврошевна

Ведущая организация: Ставропольский государственный
педагогический университет

Защита состоится 24 июня 2005 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.193.02 в Пятигорском
государственном лингвистическом университете по адресу:
г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пятигорского
государственного лингвистического университета.

Автореферат разослан 18 мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета *Л.М. Хачерсова* Л.М. Хачерсова

Явление звукоизобразительности стало одним из первых, попавших в фокус исследователей языка с самых древних времен. На существование связи речевых звуков со значением указывали Платон, Стоики, В. фон Гумбольдт, Г.В. Лейбниц, Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье, М.В. Ломоносов и многие другие. Столь же долгую историю переживает спор сторонников этого взгляда с оппозицией, отстаивающей принципиальную произвольность языковых знаков. В конце концов, ко второй половине XX века фоносемантическое направление в лингвистике накопило такой богатый опыт в методах работы, такой объем положительных результатов в языках мира, что само существование звукоизобразительности уже никем не оспаривается.

Однако в современном состоянии языкознания и, в частности, фоносемантики проблема формулируется по-иному: какую роль играет звукоизобразительность в языке? Является ли она только маргинальной (по выражению Ф. де Соссюра) областью языка или, напротив, представляет самое ядро системы? В каких пределах распространяется универсальность этого феномена во всех языках, и существуют ли характерологические особенности в каждом отдельном языке? Рассматривать ли звукоизобразительность как психофизиологическую речевую способность или как историческую данность языка? Разработкой этих и некоторых других проблем продолжает заниматься современная фоносемантика.

Предпринятое нами исследование является попыткой внести свои предложения в существующую полемику. Этим определяется *выбор темы и актуальность* работы.

В последнее время исследования звукоизобразительности не ограничиваются только материалом одного языка. Для решения приведенных вопросов необходимы сравнительные межъязыковые данные. Несмотря на уже большое количество работ подобного плана, до сих пор не существует исследований, полностью описывающих проявления звукоизобразительности во всей лексической системе немецкого или новогреческого языка. Тем более отсутствует сравнительное описание языков в этом аспекте. Наше исследование стремится восполнить этот пробел и рассмотреть в сравнении звукоизобразительные тенденции, распространяющиеся на *весь словарь* немецкого и новогреческого языков. В этом заключается *новизна* работы.

Объектом исследования являются начальные согласные в лексике немецкого и новогреческого языков и лексико-семантические системы, образованные по единственному формальному критерию — общности начального согласного.

Предметом исследования являются звукоизобразительные значения, проистекающие из артикуляционно-символических возможностей начальных согласных, их сходство и различия между сравниваемыми языками.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что начальный согласный является генетически первичным смыслообразующим элементом лексемы. Поэтому между словами с общим начальным согласным должна существовать некоторая семантическая связь. **Теоретическим основанием** этой гипотезы и всего исследования служат положения С.В. Воронина о первичной генетической звукоизобразительности языкового знака и теория «фоносемантического поля» А.Б. Михалёва.

Цель исследования заключается в выявлении звукоизобразительных значений, обусловленных артикуляционным характером начальных согласных в немецком и новогреческом языке, и в установлении общих и индивидуальных тенденций звукоизобразительности между языками.

Поставленная цель реализуется посредством решения ряда **задач**:

- 1) выделить лексические корпуса на основании общности начального согласного в каждом из языков;
- 2) выявить в каждом лексическом корпусе лексикосемантические группы, объединенные общим семантическим признаком (гиперсемой);
- 3) установить в каждом лексическом корпусе ядерные звукоизобразительные признаки, обусловленные артикуляционно-символическими возможностями начальных согласных и образующие соответствующие семантические поля;
- 4) установить возможные связи между ядерными звукоизобразительными полями и другими семантическими полями внутри каждого лексического корпуса;
- 5) выявить соответствия и различия между семантическими системами немецких и новогреческих лексических корпусов с тождественными или артикуляционно сходными начальными согласными;
- 6) определить возможные семантические соответствия между уникальными (не имеющими аналогичного начального согласного в другом языке) корпусами и артикуляционно близкими корпусами в сравниваемом языке;
- 7) установить семантико-фонетические корреляции между выявленными звукоизобразительными полями и артикуляционными типами звуков, определить параллельные и индивидуальные предпочтения в сравниваемых языках.

Для решения поставленных задач в исследовании применяются следующие *методы*:

- 1) компонентный анализ;
- 2) метод лексико-семантического конструирования;
- 3) фоносемантический анализ, заключающийся в установлении корреляций между артикуляционными характеристиками звуков и лексической семантикой;
- 4) количественный анализ;
- 5) сравнительно-сопоставительный метод.

Материалом исследования послужили немецко-русские, новогреческо-русский, одноязычные толковые и этимологические словари немецкого и новогреческого языков в количестве десяти единиц.

Общий объем рассмотренных корневых слов, вошедших во все лексические корпусы, составил около 2,5 тысяч единиц для каждого языка.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Начальные согласные немецкого и новогреческого языков являются генетически первичными элементами смыслообразования лексики.
- 2) Основой смыслообразования является звукоизобразительность, обусловленная артикуляционно-символическими возможностями речевых звуков.
- 3) Лексика, объединенная по наличию общего начального согласного, формирует семантическую систему, состоящую из взаимосвязанных семантических полей со звукоизобразительным центром.
- 4) Сравнимые языки проявляют очевидное сходство в семантических системах лексических корпусов с идентичными или близкими по артикуляции начальным согласным. Наибольшее сходство наблюдается в ядерных звукоизобразительных полях.
- 5) Индивидуальные различия между семантическими системами сравниваемых корпусов касаются объема полей и направлений семантического развития от звукоизобразительного центра.
- 6) Количество семантических полей, описывающих всю лексико-семантическую систему немецкого и новогреческого языков, исчисляемо.
- 7) Существуют определенные сходные межъязыковые закономерности в семантико-фонетической корреляции между видами звукоизобразительных полей и артикуляционными типами начальных зву-

ков. Наряду с этим наблюдаются и некоторые индивидуальные тенденции.

Теоретическая значимость исследования вытекает из выносимых на защиту положений. Исследование вносит вклад в общую теорию фоносемантики. Его результаты являются еще одним аргументом в пользу статуса звукоизобразительности как центральной оси в происхождении и развитии языка. Вывод об исчисляемости ядерных семантических полей, служащих основой для формирования всей семантической системы языка, дает новый взгляд на системность его лексико-семантического состава. Сходства и различия, установленные в фонетико-семантических и семантико-фонетических корреляциях сравниваемых языков, могут способствовать перспективному развитию типологических исследований по фоносемантическим критериям.

Практическая ценность исследования. Результаты работы могут быть использованы в курсах лекций и семинаров по «Введению в языкознание» в темах «Фонетика и Фонология», «Происхождение языка», «Семасиология», а также в курсе «Общего языкознания» в разделах «Язык как знаковая система», «Лингвистические универсалии», «Лексические системы языка» и т.п. Они могут оказаться полезными для аспирантов и соискателей, изучающих основы «Сравнительного языкознания» и «Лингвистической типологии».

Апробация работы. Основные положения работы были изложены и обсуждены на внутривузовских конференциях «Университетские чтения» в Пятигорском государственном лингвистическом университете с 2002 по 2005 год и отражены в восьми авторских публикациях.

Структура исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, трех приложений, Библиографии и Списка фонетической справочной литературы.

Во Введении излагаются актуальность, новизна, цели и задачи исследования, теоретические положения, выдвигаемые на защиту, методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретические основания исследования звукоизобразительности» кратко освещается эволюция фоносемантического направления в языкознании, описывается состояние изученности звукоизобразительного аспекта в немецком и новогреческом языках, представляется методика сравнительного исследования звукоизобразительности в данной работе.

Вторая глава «Сравнительно-сопоставительные звукоизобразительные характеристики начальных согласных в немецком и новогре-

ческом языках» посвящена последовательному рассмотрению семантических систем лексических корпусов, выделяемых по принципу наличия общего начального согласного. Анализ проводится, по возможности, параллельно в двух языках. В Выводах формулируются общие звукоизобразительные (и вообще, семантические) тенденции смыслообразования, характерные для каждого начального согласного в межъязыковом аспекте.

В третьей главе «Семантико-фонетические корреляции немецких и новогреческих начальных согласных звукотипов» анализируются предпочтения, отдаваемые каждым из выявленных звукоизобразительных полей тем или иным артикуляционным звукотипам начальных согласных. В Выводах обозначаются общие и индивидуальные закономерности семантико-фонетических корреляций в сравниваемых языках.

В **Заключении** представлены в обобщенном виде результаты работы.

В Приложении 1 показаны в развернутом виде анализируемые лексические корпуса немецкого и греческого языков, распределенные по семантическим полям.

В Приложении 2 представлены семантические системы каждого лексического корпуса с процентным соотношением выделенных внутри него семантических полей.

В Приложении 3 приводятся индивидуальные и усредненные процентные величины, характеризующие степень корреляции выделенных семантических полей с артикуляционными звукотипами в межъязыковом сопоставлении.

Содержание работы

Глава 1. *«Теоретические основания исследования звукоизобразительности».*

Наиболее древние исторические памятники письменности, описывавшие человеческий язык, так или иначе касались проблемы соотношения формы слова, его составляющих и значения. И в древнееврейском мистическом учении Каббала, и в сакральных текстах Упанишад, и в рунах Викингов уделяется внимание особой символической функции букв (отличие между фонетической и графической стороной языковых элементов не проводилось). Явлению, получившему позже название «звукоизобразительность», уделяли большое внимание и в Древней Греции, и в Европе XVII-XVIII вв., в частности, Г.В. Лейб-

ниц, Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье. Горячими сторонниками мотивированности отношений между звуком и значением были В. фон Гумбольдт, Г. фон Габелентц, В. Вундт. Многие их догадки находят значительную поддержку в современной фоносемантике.

В новейшее время, 2-я половина XX века и начало XXI, исследования соотношения «звук – значение» продолжают и множатся по всему миру, развивая два установившихся подхода: лексико-семантический и психолингвистический.

С конца 60-х гг. В.В. Левицкий кропотливо исследует оба этих аспекта, отмечая существенное различие между субъективным символизмом (выявляемая экспериментальным путем связь определенных звуков и значений в психике человека) и объективным символизмом (связь определенных звуков и значений в словах того или иного языка). Причем анализу подвергаются не собственно звуки или фонемы, а дифференциальные признаки фонем.

С.В. Воронин в своем фундаментальном труде «Основы фоносемантики» (1982) обнаруживает основные типы звучаний действительности (денотатов) и их коррелятов в фонетическом пространстве 250-ти языков. Учитывая вариативность в фонологических составах различных языков, автор вводит термин «фонемотип» (в позднейших работах – «фонотип»), представляющий собой инвариантную единицу по отношению к фонемам, сходным по какому-либо артикуляционному или акустическому признаку.

Тема примарной генетической мотивированности языкового знака С.В. Воронина получает оригинальное и глубокое развитие в концепции «фоносемантического поля» у А.Б. Михалёва. Ученый открывает полевой принцип фоносемантического феномена. Таким образом, оказывается, что звукоизобразительность – это не частный случай в устройстве языка, некий изолированный островок, а закон, определяющий происхождение, развитие и функционирование языка.

За всю многовековую работу по выявлению звуко-смысловых соответствий накоплен уже богатый фоносемантический опыт (более 1000 источников). В принципе существование во всех языках феномена звукоизобразительности не подвергается сомнению. Исследования этого аспекта в широком круге языков приводят к выводу о значительной доле слов, первично мотивированных звукоподражанием или звуко-символизмом.

Несмотря на столь широкий диапазон языков мира, попавших в фокус исследования фоносемантистов, нельзя сказать, что немецкий язык, с точки зрения звукоизобразительности, вызвал к себе больше

внимания, чем, например, африканские, индейские или японский. Редкие примеры из звукоизобразительной немецкой лексики, приведенные в прошлом Гумбольдтом, Габеленцем, Гердером и др., были направлены на доказательство самого явления мотивированности в языке, а не на системное описание этого феномена в отдельном языке или в сравниваемых языках. Более пристальное внимание к отдельным проявлениям звукоподражания и звукоимовизма в немецком можно отметить в работах: Reinius 1908; Bloomfield 1909-1910; Hilmer 1914; Debrunner 1926; Schneider 1930; Müller 1935; Fenz 1940; Wissemann 1954; Moll 1968; Aschenbrenner 1975; Seebold 1983; Левицкий 1986; Ernst 1990. На наш взгляд, все же наиболее яркими авторами, принявшими более широкий охват материала, являются Суитберт Эртель и Штефан Этцель.

С. Эртель (Ertel 1969; 1972) предпринял экспериментальную попытку проверки существования субъективного символизма у немецких испытуемых. Оказалось, что полученные результаты совпали с выводами Ч. Осгуда о трех доминирующих параметрах семантического шкалирования: «сила», «активность» и «оценка» (Osgood 1952). Эти три параметра С. Эртель называет общими понятиями потому, что они неспецифичны по отношению к различным феноменальным сферам.

Одной из самых ярких работ, посвященных исследованию звукоизобразительности в немецком языке, можно считать диссертацию Штефана Этцеля «Исследования в области звукоимовизма» (1983). По убеждению ученого, в пределах словарного запаса языка можно вскрыть воздействие и масштаб иконических факторов на уровне отвлечённых семантических качеств и семантических полей.

Все разнообразие значений, зафиксированных в лексических группировках с общим консонантным анлаутом, Ш. Этцель пытается свести к трем метасемантическим категориям: «ВМЕСТЕ», «ВРОЗЬ» и «РАСТЯЖЕНИЕ». Выделяется и еще одна категория: «ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ».

Исследование Штефана Этцеля представляет несомненный интерес с точки зрения фронтального и детального анализа лексики немецкого языка в аспекте звукоизобразительности. Однако его стремление к широким обобщениям, по нашему мнению, таит в себе опасность отрыва от языковой и психологической реальности в область личных умозрительных построений.

Что касается исследования звукоизобразительности в греческом языке, то здесь имеются существенные пробелы. Прежде всего это касается системности при выборке материала исследования. До на-

стоящего времени учеными рассматривались лишь звукоподражательные комплексы.

В 1967 г. В. Калогерас в докладе об исследовании звукоподражательных слов в древнегреческом языке, доказывает, что, во-первых, некоторые корни слов могут быть беспрепятственно определены, как звукоподражательные, во-вторых, слова, происхождение которых до сих пор считалось неясным, также могут быть сведены к звукоподражаниям.

Видный исследователь новогреческого языка Андре Мирамбель указывает на существование немногочисленных слов, подражающим различным шумам.

Среди исследований звукоимитации в новогреческом языке внимания заслуживает работа Брайана Д. Джозефа (Joseph 1994), где автор исследует слова с начальным *ts/dz*, в которых прослеживаются три группы звукоимитационных значений.

В нашей работе под *звукообразительностью* мы традиционно понимаем подражание речевыми звуками звучащим экстралингвистическим явлениям (звукоподражание) и незвучащим признакам объектов действительности (звукоимитация).

Вопрос о количестве признаков, способных быть объектами звуковой символизации, остается до сих пор не до конца решенным. Так, например, психолингвистические данные свидетельствуют о способности звуков символизировать оппозиции «малый – большой» (Sapir 1929), «темный – светлый» (Newman 1933), «тяжелый – легкий», «мягкий – твердый», «долгий – краткий» (Chastaing 1964), «круглый – угловатый» (Weiss 1964), «горячий – холодный», «высокий – низкий» (Tsuru, Fries 1933), «сильный – слабый», «быстрый – медленный» (Левинский 1998).

С точки зрения объективного звукоимитационизма, выводимого из анализа словарного состава языков, лингвисты обнаруживают следующие символизируемые области: движение, вещи и внешний вид (форма, свет), душевное состояние (неудовольствие, отвращение), размер и удаленность (Есперсен); звуковые явления речевого аппарата, явления незвукового порядка в человеческом организме, денотаты детских слов (Ашмарин); мимика, походка человека, различные движения живых существ, световые и цветовые образы (Горцевская); семантические шкалы твердости («мягкий – твердый»), гладкости («гладкий – шероховатый»), активности («медленный – быстрый»), света («светлый – темный»), формы («острый – тупой»), размера («маленький – большой»); в

меньшей степени – шкалу температуры и оценки (Левицкий); буквальная (ротовая) и мануальная (ручная) деятельность (Михалёв).

В нашем исследовании мы делаем попытку определить на материале всей лексики немецкого и новогреческого языков основные понятия, способные символизироваться начальными согласными, исходя из их артикуляционных характеристик.

В работе мы придерживаемся в основном традиционного лексико-семантического метода, классифицирующего лексику по семантическим полям. Первым формальным основанием для объединения лексики в отдельный корпус служит присутствие единой начальной фонемы в лексемах. При этом принимаются во внимание только корневые образования, не осложненные префиксацией или постфиксацией. Как элементы словообразовательной модели они часто доминируют в своей семантике над исконным значением слова, затемняя первичную звукоизобразительность. В тех случаях, когда консонантно сходные корневые основы двух или более слов содержат вокалические вариации, они все включаются в корпус. Исключаются поздние заимствования, связанные с социокультурными факторами обогащения языка. При отборе однокоренных слов из разряда существительных, глаголов, прилагательных, наречий предпочтение отдается глаголам и прилагательным. Эти части речи способны в большей мере представлять мотивационные признаки номинации, которые затем передаются другим частям речи.

Каждому корпусу присваивается имя по первой графеме, например, В-лексика, S-лексика, Θ-лексика, Ψ-лексика и т.п. Звуковая реализация начальных графем иногда может быть вариативной, как, например, в случае с S-лексикой немецкого языка: перед гласными она произносится как [z], перед согласными t, p и в сочетании ch – как [š]. Аналогично и в греческом языке: например, N в сочетаниях с T в анлауте произносится как [d], во всех остальных случаях – как [n] или G перед гласными заднего ряда произносится как заднеязычный фарингальный [ɣ], а перед гласными переднего ряда – как палатальный [ç] и т.д. Подобные явления рассматриваются нами как консонантная вариативность, которая, как показало исследование, не существенна для семантической макросистемы корпуса.

В межъязыковом плане по возможности сравниваются идентичные или близкие по консонантному анлауту корпусы лексики, например, T-лексика, K-лексика, B-лексика, P-лексика немецкого и Π-лексика новогреческого языков. Однако есть и специфические корпусы лексики для

каждого из языков: например, немецкая J-, QU-лексика или греческая E-, Ψ-лексика. Они представлены и исследованы отдельно.

Более сложно и не всегда механически производится процедура семантического анализа. Это связано со спецификой самой семантики слова, представляющей собой сложную структуру. Основанием для группировки слов в определенные семантические поля служит традиционно некоторая единая сема, выводимая из значений слов. Однако, в отличие от традиционного лексико-семантического метода, где сема, или семантический множитель выводится из развернутого эксплицитного толкования того или иного лексико-семантического варианта слова (дескрипции), мы обращаем внимание не только на поверхностные структурные компоненты значения, но и на скрытые, не выраженные в толковании, признаковые составляющие. Так, например, слово *желудь* получает в словаре толкование «плод дуба», *кошелек* – «мешочек для денег», *луковица* – «утолщенная, чаще шарообразная, часть стебля некоторых растений», *пломба* – «жестяная пластинка, кусочек свинца или какого-либо другого пластичного материала, обычно с отпечатавшимся на них клеймом, которые служат для опечатывания различных предметов, товаров, аппаратов, закрываемых помещений и т.д.», *пробка* – «общее название втулок, затычек для закупоривания бутылок и других сосудов», *почка* – «зачаток побега, листка или соцветия» и т.п. В дескрипциях этих слов, а значит в их поверхностном семном составе, не обнаруживается ничего общего. Однако если учесть, что в новогреческом языке формально они имеют общий согласный звук [v] в анлауте (βάλανος, βαλλάντιο, βολβός, βούλα, βύσμα, βαβούλι), а также обратить внимание на внешнюю форму их денотатов, то можно выявить признак «округлости», действительно объединяющий все эти различные реалии. В данном списке только βολβός «луковица» эксплицитно включает в свою дескрипцию ключевую сему «шарообразная», остальные же члены списка содержат ее имплицитно. Отсюда следует, что степень эксплицитности мотивационного признака номинации может быть различной: от поверхностно выраженной в дескрипции слова до совершенно скрытой.

В связи с этим обязательным этапом работы со скрытыми семами становится для нас обращение к этимологии. Так, например, в новогреческом языке среди корпуса В-лексики обнаруживается серия слов с общим семантическим полем ЕСТЬ/ПОГЛОЩАТЬ. Наряду с частными семемами в этой серии, такими как «подножный корм», «пасти», «еда, пища», «кусочек еды», «кормилица, няня», «добыча, жертва» и т.п., с относительно эксплицитным характером ключевой семы, находится

ряд слов, которые получают свое место в этом поле только благодаря этимологическому аспекту их значения, например:

βοτάνη «дикая трава, дикое растение» (этим. < дргр. βοτάνη корм, трава < βοτόν пасомое, скот (ос. овца) < βόσκω пасти, кормить, питать, содержать; пастись; перен. питаться; поедать что-л.);

βρώμα «овес» (этим. < дргр. βρώμα < βιβρώσκω пища, пожирание);

βώτριδα «моль» (этим. < дргр. βώτρις плесень, гниль; согласно другим, вероятно от βώτρις съедание, пожирание < βιβρώσκω съедать, пожирать, истреблять);

Важным требованием, предъявляемым к вычленяемой *гиперсеме* (эксплицитной или имплицитной семе, общей для ряда лексических значений), по которой и именуется семантическое поле, является соотношение ее со звукоизобразительными возможностями начального звука. Такие гиперсемы, как «округлое» и «поглощение», например, вполне соответствуют символическим свойствам лабиальных (Михалев 1995). К таковым можно отнести также «речевую деятельность» и, шире, любую «буккальную», т.е. осуществляемую ртом. Реализация лабиальными согласными семы «бить» объясняется взрывным характером артикуляции и может расцениваться как звукоподражание, учитывая шумовой характер действия «бить». Эти семы и образуемые ими семантические поля можно считать центральными. О том, насколько прочно закрепляется в данном языке соотношение того или иного признака-семы с той или иной начальной фонемой, можно судить по удельному весу семантического поля, т.е. по количеству входящих в него слов от общего числа лексического корпуса (с единым начальным согласным). Поскольку число семантических полей у различных лексических корпусов, как показало исследование, варьирует от 3-х до 21-го, в зависимости, прежде всего, от объема самого корпуса, то процентный показатель выше 10% представляется нам релевантным (или репрезентативным) для определения продуктивности такого семантического поля, и, следовательно, звукоизобразительного предпочтения языка.

Лексическое значение по своей природе недискретно, и об этом свидетельствует полисемия слова. Явление, аналогичное полисемии, присутствует и внутри семантического поля, тем более что оно образовано неродственными словами. Поэтому гиперсемы, явно близкие друг другу метафорически или метонимически (или, глубже, синестетически), мы предпочли объединить в одно целое. Например, «большой», «тяжелый», «сила» суть качества, которые по опыту человеческого сознания (а значит и язык) связывает во взаимно необходимые, предполагающие друг друга. «Ставить» и «ступать» находятся в гипе-

ро-гипонимических отношениях («ступать» - «ставить ногу»). «Резать» включает в себя сему «острый» как необходимое качество для выполнения этого действия. Иногда можно встретить в одном лексическом корпусе группы слов с общей семой «бить», а также с семами «бросать», «падать». На наш взгляд, чтобы избежать излишнего дробления полей, вполне правомерно объединить эти семы в одно поле: «бить» - «падать» и «бросать» - «падать» образуют смежные причинно-следственные отношения. Аналогичным образом соотносятся семы «делить», «лишать», «часть».

Принципиальным для нашего анализа было условие не делать слишком широких обобщений, наподобие Ш. Этцеля (см. выше), но попытаться увидеть более или менее разнородные поля в рамках лексических корпусов, оценить их вес и объяснить их присутствие в этих корпусах, основываясь на принципе первичной генетической звукообразительности.

Следует признать, что не все значения слов способны быть интерпретированы однозначно. В результате первичной «грубой» классификации значений, вытекающей из поверхностного семного анализа, вырисовывается совокупность семантических полей. Естественно, большая часть лексем остается в начале не определенной: необходим анализ имплицитной структуры их значений. Затем с применением последнего некоторые получают свое определенное место в том или ином выявленном поле. Однако есть и такие значения, которые имеют право на присутствие одновременно в двух и даже более установленных полях. Например, нем. *Bord* «полка (книжная, посудная)» по одному основанию может быть определена в семантическое поле ПЛОСКИЙ/ШИРОКИЙ, а по другому – в поле РЕЗАТЬ (результат действия). Как нам кажется, здесь нет противоречия: зачастую эта амбивалентность свидетельствует о глубинной взаимосвязи полей. Другой пример: нем. *Besen* «метла, веник, щётка, швабра; помелó, венчик» отнесено нами к семантическому полю ГРУБЫЙ, хотя, с другой стороны, оно подходит и для поля ОСТРЫЙ; более того, по еще одному основанию это значение может быть помещено в лексико-семантический разряд поля СВЯЗЫВАТЬ. Однако наличие в корпусе лексем *Borste* «щетина», *Bürste* «щетка, ёршик, ёжик (мужская стрижка)», легко определяемых в семантические поля ОСТРЫЙ или ГРУБЫЙ, разрешает сомнения относительно проблематичной лексики *Besen*: сходство с ними очевидно, следовательно, и положение в одной категории закононо.

В своем исследовании мы не преследовали цель любой ценой распределить все лексемы по семантическим полям. Естественно, некоторая часть лексем в каждом из корпусов осталась за пределами выявленных семантических систем. Это можно объяснить не столько отсутствием искомым сем в их поверхностной семантической структуре, сколько трудностью анализа их денотативного аспекта или неясностью происхождения. Особенно это касается флоронимов и зоонимов. Так, например, не ясно, какой семантический (денотативный) признак следует выделить как релевантный в значениях нем. *Klee* «клевер» и *Kerbel* «купырь (род трав сем. зонтичных, используемых как пряности). Среди выявленных в К-лексике полей – ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, ХВАТАТЬ/СЖИМАТЬ/СГИБАТЬ, ОКРУГЛОЕ/ВМЕСТИЛИЩЕ, ГОРЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОСТРЫЙ/ЦАРАПАТЬ/ЧЕРТИТЬ / ПОЛЗТИ, МАЛЫЙ/МЕЛКИЙ, БИТЬ/СИЛА, КОЛЕБАНИЕ, РЕЗАТЬ/ЩЕЛЬ/ОТВЕРСТИЕ – трудно с уверенностью локализовать эти слова в каком-либо одном из них. Можно только исключить явно не подходящие, например, ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, БИТЬ/СИЛА, ХВАТАТЬ/СЖИМАТЬ/ СГИБАТЬ. Поэтому подобные слова выносятся нами в неопределенный остаток, который в целом по лексическим корпусам не превышает 10%. В частности, остаток в корпусе немецкой К-лексики – одного из самых объемных (274 единицы) – составил всего лишь 3%.

Проведя таким образом анализ всех лексических корпусов каждого из рассматриваемых языков, мы сопоставляем вначале составы семантических полей одноименных (например, нем. и греч. К-лексика) или близких по артикуляционному признаку анлаута (напр. нем. и греч. В-лексика) корпусов в немецком и новогреческом языках. Затем анализируем процентное соотношение объемов у полей, оказавшихся сходными в обоих языках. Таким образом, выясняются сходные и индивидуальные звукоизобразительные тенденции этих языков.

Наконец, семасиологический подход целесообразно уравновесить ономасиологическим. Во-первых, мы сопоставляем выявленные нами семантические поля (мотивационные признаки номинации) с перечнем символических возможностей звуков, уже обсуждавшихся в фоносемантической литературе. Во-вторых, определяем предпочтения, которые отдают те или иные семантические поля тем или иным звукам и типам артикуляции в каждом из языков.

Артикуляционные признаки согласных мы традиционно классифицируем по месту образования и по способу образования. По месту образования выделяются типы лабиальных, дентальных, гуттуральных

и палатальных. Первые включают в себя губно-губные ([b], [p], [m]) и губно-зубные звуки ([v], [f], [pf], [ps]). В число дентальных входят переднеязычные: [d], [t], [θ], [ð], [n], [ts], [z], [s], [l], [r]. Гуттуральные представлены заднеязычными и фарингальными звуками: [g], [k], [h], [γ], [kv], [ks]. К палатальному типу мы относим звуки, артикуляционно осуществляемые в области твёрдого нёба: [š], [j].

По способу образования мы выделяем смычно-взрывные, смычно-щелевые, щелевые и дрожащие. К смычно-взрывным относятся: [b], [p], [g], [k], [d], [t]. Смычно-щелевые включают в себя аффрикаты и смычно-проходные звуки: [ts], [ks], [ps], [pf], [kv], [m], [n], [l]. Щелевые представлены звуками: [z], [s], [š], [v], [f], [θ], [ð], [h], [γ]. В качестве дрожащих выступает [r].

Сравнение семантико-фонетических корреляций проводится параллельно в немецком и новогреческом языках.

Глава 2. «Сравнительно-сопоставительные звукоизобразительные характеристики начальных согласных в немецком и новогреческом языках»

В данной главе на основе описанной в 1-й главе методики проводится последовательный анализ всех начальных согласных, образующих лексические корпусы. Исследование привело к частным выводам, касающимся полученных семантических систем для каждого корпуса, и следующим общим выводам.

Начальные согласные действительно представляют собой минимальные смыслообразующие элементы слов. Об этом свидетельствуют выявленные в лексических корпусах семантические системы.

Семантическая система каждого корпуса составлена из набора взаимосвязанных семантических полей.

Семантические поля проявляются в результате анализа значений слов лексического корпуса и соответствующей группировки слов. Основанием для объединения слов в тот или иной семантический разряд является наличие в их индивидуальных значениях общей гиперсемы. Имя выявленной гиперсемы присваивается всему семантическому полю.

Обоснованием наличия той или иной гиперсемы может быть только звукоизобразительная интерпретация, учитывающая потенциальные символические возможности звуков, которые обусловлены их артикуляционными характеристиками.

В большинстве случаев звукоизобразительные гиперсемы получают семантическое развитие в виде сходных или смежных семанти-

ческих полей, что ведет к образованию макрополей. Этот процесс аналогичен развитию полисемии у слова.

Сравнение семантических систем лексических корпусов немецкого и новогреческого языков, сходных по начальным согласным, выявило очевидные параллельные межъязыковые тенденции. Большинство сравниваемых корпусов демонстрируют одноименные семантические поля, различающиеся только своим удельным весом в общей семантической системе (в некоторых случаях наблюдаются даже одинаковые или близкие процентные показатели) и направлением семантического развития.

Наряду со сходными межъязыковыми чертами, выделены индивидуальные характерологические признаки, касающиеся наличия/отсутствия отдельных семантических полей в одном из сравниваемых языков и состава их фонологических систем.

В результате исследования обнаружены наиболее часто встречающиеся и семантически продуктивные поля: ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БИТЬ, РЕЗАТЬ, ТЯНУТЬ, СЖИМАТЬ, ОКРУГЛОЕ, ОСТРОЕ, ТВЕРДОЕ, МЯГКОЕ.

Глава 3. «Семантико-фонетические корреляции немецких и новогреческих начальных согласных звукотипов»

В данной главе осуществляется ономаσιологическое описание предпочтений, отдаваемых выделенными семантическими полями тем или иным артикуляционным звукотипам начальных согласных в немецком и новогреческом языках.

В процессе исследования были выявлены следующие семантические поля, охватывающие в своей совокупности всю или почти всю лексическую семантику сравниваемых языков: ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОКРУГЛОЕ, РЕЗАТЬ, ОСТРОЕ, БИТЬ, БОЛЬШОЕ, ВЫХОДИТЬ, РАСТИ, СТУПАТЬ/СТАВИТЬ, СЖИМАТЬ, БЛЕСТЕТЬ/СВЕТЛОЕ, ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ, ПЛОСКОЕ, КОЛЕСАНИЕ, МЯГКОЕ/ГЛАДКОЕ, МАЛОЕ, ВРАЩАТЬ, ТЯНУТЬ, РАССЕИВАТЬ, ТВЕРДОЕ.

В целом виды этих полей соотносятся со звукоизобразительными значениями, выведенными ранее в фоносемантике, и подразделяются на три больших класса: признаки предметов, движения (деятельность) и звукоподражания.

Анализ семантико-фонетических корреляций («тяготения» определенных семантических полей к определенным звукотипам) обнаружил как общие звукоизобразительные тенденции в немецком и грече-

ском языках, так и индивидуальные предпочтения. В числе общих закономерностей выделяются следующие.

Семантическое поле **БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** в большей степени соотносится по месту образования с гуттуральной и лабиальной артикуляцией и по способу образования – со смычно-щелевыми звуками.

Аналогичная связь с гуттуральными и лабиальными наблюдается у семантического поля **ОКРУГЛОЕ**.

Семантическое поле **РЕЗАТЬ** в большей степени коррелирует со щелевым и смычно-щелевым способами артикуляции.

Поле **ОСТРОЕ** предпочтительнее реализуется дентальными звуками, а с точки зрения способа образования – дрожащими.

Поле **БИТЬ** получает высокие показатели у гуттуральных.

В отношении поля **СЖИМАТЬ** наблюдается почти равная активность гуттуральных, дентальных и лабиальных, тогда как по способу образования здесь выделяются смычно-взрывные и смычно-щелевые;

Поле **МЯГКОЕ/ГЛАДКОЕ** отдает приоритет дентальным звукам, в частности, исключительное предпочтение боковому [l] и смычно-щелевому способу артикуляции

Поле **ТЯНУТЬ** осуществляется преимущественно дентальными звуками.

К индивидуальным особенностям можно отнести следующие.

В области **ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ** немецкий язык более охотно, чем греческий, прибегает к лабиальным (хотя близки показатели по отдельным представителям звукотипа).

В греческом языке ведущую роль в реализации поля **РЕЗАТЬ** играют гуттуральные, тогда как в немецком предпочтение отдается палатальным звукам.

Доля дентальных в реализации семантического поля **БИТЬ** значительно выше в греческом, чем в немецком языке, а по способу образования греческий предпочитает дрожащий, а немецкий – щелевой тип артикуляции.

В аспекте способа образования семантическое поле **ТЯНУТЬ** получает разные корреляции: в греческом – с дрожащими, в немецком – со смычно-щелевыми.

Заключение

Одним из важных итогов нашего исследования является определение всех ядерных звукоизобразительных гиперсем и взаимосвязанных с ними периферийных полей, обнаруженных в результате полного

рассмотрения всего лексического (корневого) состава двух языков. В зависимости от численности лексики в том или ином корпусе, количество таких центральных полей варьирует от 3-х до 21-го. Можно спорить о количестве, о названии, о степени распространенности этих полей, однако очевидны сам принцип их формирования и их исчисляемость.

Основные положения работы отражены в следующих авторских публикациях:

1. Звукосимволизм в немецком языке и традиционная характеристика звуков речи // Вопросы романо-германской и русской филологии. Межвузовский сборник научных статей. Вып. I. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 18-25.
2. Некоторые аспекты звукосимволизма в свете психофонетики // Вестник ПГЛУ. №1. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 41-44.
3. О некоторых проблемах классификации звукоподражательных слов в греческом языке // Вопросы германистики. Сборник научных трудов. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 57-61.
4. Об исследовании звукоподражаний в греческом языке // Университетские чтения-2002. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть 2. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 8-9.
5. О проблеме употребления звукоподражательных слов в массовой культуре (на примере немецкого языка) // Вопросы германистики. Сборник научных трудов. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2003. – С. 63-67.
6. Фоносемантический анализ лексем движения в бернском варианте швейцарского диалекта немецкого языка // Университетские чтения – 2004. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2004. – С.13-14.
7. Сравнительно-сопоставительные особенности реализации звукоизобразительности в немецком и греческом языках // Вопросы германистики. Сборник научных трудов. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ 2004. – С. 64-66.
8. О некоторых звукоизобразительных особенностях поэтических текстов (на материале немецкого языка) // Университетские чтения – 2005. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 186-188.